

УДК 327.54

К.А. Агафонов

ФИНЛЯНДИЯ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ЛИНИЯ ПААСИКИВИ КАК ФУНДАМЕНТ ФИНСКОГО НЕЙТРАЛИТЕТА

АГАФОНОВ Константин Александрович – аспирант кафедры международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: agafonov.k@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются внешнеполитический курс Финляндии в 1944–1956 годах и положение государства на мировой арене в контексте идеологического конфликта великих держав. Проанализированы основные принципы линии Паасикиви, направленные на формирование образа Финляндии как нейтрального государства. Используя пример Финляндии, автор акцентирует внимание на трансформации отношения США и СССР к политике нейтралитета в целом в обозначенный период, а также на повышении значимости нейтральных государств в международных отношениях в середине 1950-х годов.

Ключевые слова

ПОЛИТИКА НЕЙТРАЛИТЕТА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ; ЛИНИЯ ПААСИКИВИ; ФИНЛЯНДИЯ И КОНФЛИКТ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ; ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ; БИПОЛЯРНОСТЬ; ПОЛИТИКА СДЕРЖИВАНИЯ; МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ.

Исследователи в области международного права и политической теории в XX веке, обращаясь к термину «политика нейтралитета», зачастую склонны рассматривать в качестве ключевых примеров такого внешнеполитического курса два европейских государства: Швейцарию и Швецию. Швейцария, чей нейтральный статус закреплен Венским конгрессом и признан другими государствами, является ярким представителем постоянно нейтрального государства. Нейтралитет Швеции не закреплен нормами международного права, но находит свои истоки еще в XIX веке и рядом исследователей признается «традиционным» [12].

Безусловно, существуют и другие формы политики нейтралитета, такие как позитивный нейтралитет, нейтрализм, нейтрализация государства и пр. Следует отметить, что грань между этими понятиями размыта и существуют различные варианты трактовки терминов.

В рамках рассматриваемой проблемы стоит понимать нейтралитет как альтернативу участия страны в военном альянсе и идеологической борьбе доктрин великих держав. Чтобы в данный контекст поместить большинство вышеназванных понятий, необходимо представить континуум внешнеполитического курса государства от полной ориентации на политику, проводимой блоком, до полного нейтралитета, граничащего с изоляционизмом. Нужно отметить, что само понятие нейтралитета очень чувствительно к изменению международной обстановки и незначительные колебания по линии континуума возможны даже у постоянно нейтральных государств [4, с. 564–565].

Так, например, руководство Финляндии в противовес скептическому восприятию состоятельности нейтральной политики страны рядом внешних обозревателей подчеркивало, что политика нейтралитета может подразумевать раз-

личные действия в различных ситуациях и этот вопрос едва ли может быть заключен в жесткие юридические рамки [12, с. 21].

В международной политической риторике статус Финляндии как нейтрального государства начал отражаться лишь с 1955 года, после вступления страны в ООН и Северный совет, а также в связи с отказом СССР в 1955 году от своих прав на арендованную по Парижскому мирному договору военную базу в Порккала-Удд. Сам же президент Паасикиви до этого времени тоже избегал называть свою политику нейтральной. Хотя это скорее определяется его чрезмерной осторожностью по отношению к реакции из Москвы.

Действительно, на раннем этапе холодной войны заявлять о своей позиции как о нейтральной для Финляндии, граничащей с СССР, было сродни самоубийству. У советского руководства была весьма четкая позиция по отношению к странам, занявшим нейтральную позицию во Второй мировой войне, основанная на обвинении в негласном потакании агрессору. Непосредственно после войны страны третьего мира, позднее принявшие курс на неприсоединение, советским руководством считались идеологически объединенными с социалистическим блоком. Европейские же нейтральные государства воспринимались скорее как орудие в руках Запада [3].

Иногда линию Паасикиви называют изоляционизмом, желанием максимально дистанцироваться от конфликта великих держав. Действительно, удержать Финляндию в стороне от конфликтов и процесса формирования блоков в начале холодной войны было догмой президента Паасикиви. Но это желание не может нести в себе негативной подоплеку, а является лишь грамотным и хладнокровным анализом складывающейся биполярной системы и перспектив малых государств в ее рамках.

Безусловно, линия Паасикиви не имела ничего общего с той политикой изоляционизма, которая привела Финляндию к трагедии Зимней войны. Нейтралитет Финляндии в конце 1930-х годов основывался скорее на вере в конституционализм и международное право. Главной же ошибкой было игнорирование реалистических тенденций в международных отношениях того времени и статуса великих держав. В Финляндии преобладало представление, что идеологи-

ческое противостояние нацистской Германии и СССР будет продолжаться, обеспечивая баланс силы в Балтийском регионе. В случае же нападения Германии на СССР Финляндия сможет оставаться в стороне, как и во время Первой мировой войны [8, с. 28].

Заключение пакта Риббентропа – Молотова негласно передавало право на Балтийский регион Советскому Союзу и стирало возможность использования Финляндией нейтрального статуса. Срыв переговоров с СССР о территориальных притязаниях последнего не оставлял шансов для Финляндии. Помощи извне ждать не приходилось: в Берлине четко дали понять, что необходимо уступить СССР. Франция и Англия не были заинтересованы, так как военные базы, запрашиваемые Сталиным, могли быть использованы только против Германии. В Стокгольме отказались от военной поддержки Финляндии, США же на тот момент были связаны статусом нейтралитета [Там же. С. 29–31].

Анализируя ошибку политического курса Финляндии в преддверии Зимней войны, можно смело утверждать, что руководство страны неправильно понимало роль геополитики и реалистического курса великих держав, упоывая на нормы международного права. Тогда как в СССР видели Финляндию частью буферной зоны в Балтийском регионе, руководство Финляндии относилось к скандинавской нейтральной зоне. Непонимание статуса СССР в сложившейся международной системе и отвержение его стратегических интересов не оставляло Финляндии шанса избежать военного вторжения [10, с. 266–267]. С точки зрения политического реализма декларация о нейтралитете пяти скандинавских государств от 27 мая 1938 года не могла обеспечить Финляндии защиту от территориальных притязаний СССР.

Ключевым инструментом политики Ю.К. Паасикиви в послевоенный период было стремление в корне изменить отношение финнов к СССР, упразднить эмоциональный и шовинистский подход руководства Финляндии в годы Зимней войны и войны-продолжения [2, с. 171–174]. Будучи реалистом в политических вопросах, президент Паасикиви призывал уважать статус СССР как великой державы и признать интересы последнего в Финляндии исключительно оборонительными и крайне сдержанными. Поддержание дружеских отно-

шений с СССР и доверия советского руководства будет оставаться ключевой задачей на всем протяжении линии Паасикиви – Кекконена.

Послевоенная политическая история Финляндии представляет особый интерес еще и потому, что Финляндия оставалась единственным государством, не только не оккупированным СССР, сохранившим западную модель политического и экономического устройства, но и провозгласившим себя нейтральным государством, способствующим разрядке напряженности в противостоянии великих держав.

С точки зрения США ситуация в Финляндии в 1944–1947 годах была не только стабильной, но и представляла собой единственный положительный пример выполнения на практике Ялтинских соглашений. США, не находившиеся в состоянии войны с Финляндией и не допущенные до согласования условий перемирия и участия в Союзной контрольной комиссии (СКК), на Тегеранской конференции ходатайствовали, что из всех союзников нацистской Германии в Европе только Финляндия обладала тем уровнем политической стабильности, чтобы быть признанной победителем [7, с. 14].

Дополнительную уверенность Западу придавал тот факт, что деятельность СКК под руководством А.А. Жданова в Финляндии была весьма умеренной и позволяла правительству Ю.К. Паасикиви осуществлять власть в соответствии с законом Финляндии, а финским СМИ – избегать излишнего уровня цензуры [6, с. 14].

Сами же финны после заключения перемирия были практически уверены, что после окончания основных боевых действий СССР на других фронтах их страна будет оккупирована. Как отмечал Жданов, финское руководство находилось в плохом положении, панически боялось оккупации и готово было сделать что угодно, чтобы избежать ее [15, с. 97].

По мнению британских дипломатов, находившихся в Финляндии, предпосылок к советской оккупации Финляндии не было. Единственная опасность могла таиться во внутреннем захвате власти финскими коммунистами, что едва ли могло вылиться в действие без одобрения и прямой помощи СССР [Там же. С. 113].

Согласно черновику документа, найденного в архивах МИД СССР, после продвижения СССР на Карельском перешейке планирова-

лось учредить в Финляндии строгую военную администрацию под руководством СССР [Там же. С. 95]. В действительности же деятельность СКК была направлена на установление дружеских отношений между СССР и Финляндией и контроль за соблюдением условий перемирия, а никак не на инициирование социалистической революции и большевизации Финляндии [16, с. 70–72].

В качестве других глобальных причин мягкого отношения СССР к Финляндии можно выделить частичное снижение стратегической важности последней в связи с включением Прибалтики в состав СССР, а Польши и Восточной Германии – в советскую сферу влияния. К тому же продвижение позитивного образа СССР должно было помочь ослабленной Коммунистической партии Финляндии занять свое место в парламенте, что и произошло на признанных демократическими выборами 1945 года [2, с. 180]. Условие выплаты Финляндией репараций Советскому Союзу товарами, список которых был жестко регламентирован, должно было в перспективе переориентировать экономику Финляндии на Советский Союз и страны социалистического блока. Это было направлено в первую очередь на снижение возможного влияния США, у которых выбор рычагов давления в Финляндии был весьма ограничен [1]. Так, например, когда делегация США подняла вопрос о снижении военных репараций для Финляндии на Парижской мирной конференции 4 октября 1946 года, ответ СССР был жестким – не проявлять инициатив в отношении Финляндии [7, с. 15].

Тем не менее для США послевоенное положение Финляндии было скорее положительным. Суверенная Финляндия, находясь на самой границе с СССР и сохраняя западную модель государственности, представляла собой удачный пример политики сдерживания роста социализма в Европе. Правда, это же географическое положение не позволяло США рассматривать Финляндию как часть единого фронта, который руководство США планировало построить в Европе. С самого начала холодной войны Финляндия для США оставалась особым случаем политики нейтралитета, где политические методы руководства США, которые работают для Швеции или Швейцарии, не могут быть применены ввиду особых отношений

Финляндии и СССР, а также специфического баланса сил в Скандинавском регионе. Для руководства Швеции, на которое в период формирования блоков оказывалось давление США и Великобритании, направленное на снижение нейтралистских тенденций и привлечение страны в западную сферу влияния, поддержание нейтрального статуса Финляндии как гарантии безопасности в регионе было важным аргументом в пользу состоятельности собственного внешнеполитического курса традиционного нейтралитета [5, 6].

В этой связи единственной возможностью упрочить свое влияние в Финляндии для США была смесь политического безразличия и экономической помощи, направленная на предотвращение контрмер со стороны СССР. Так, в 1945 году Экспортно-импортным банком США был одобрен кредит Финляндии в размере 35 млн долларов США [14, с. 190–195].

Несмотря на поддержку участия в Программе восстановления Европы широкими слоями населения и политическими кругами, президент Паасикиви был вынужден отказаться от помощи по плану Маршалла в связи с нежеланием вовлекать Финляндию в конфликт великих держав, который мог вылиться из условий самого плана [19, с. 37]. Финляндия, благодаря своему стремлению дистанцироваться от СССР и использовать максимум вакуума для взаимодействия с Западом, не стала объектом санкций США. Уже к 1949 году торгово-экономические взаимоотношения США и Финляндии достигли того уровня, при котором администрация США перестала считать Финляндию составной частью Восточной Европы и экспортный контроль в отношении Финляндии был значительно либерализован [18, с. 442–443].

Стоит отметить, что вопрос предоставления для Финляндии тех или иных экспортных лицензий на протяжении холодной войны рассматривался США отдельно для каждого случая. В США были озабочены возможной перепродажей Финляндией стратегических товаров Советскому Союзу. Финляндия, имевшая крупные торговые доли в обоих лагерях и не входившая в КОКОМ, тем не менее, была вынуждена частично сотрудничать с Комитетом. В дальнейшем от выполнения Финляндией обязательств по контролю за экспортом стратегических товаров в СССР зависело также предоставление

кредитных займов. В действительности Финляндия была куда более уязвимым местом в эмбарго, нежели другие нейтральные государства Западной Европы. Однако США крайне редко принимали меры, так как поддержка экономической стабильности и независимости финской экономики была одной из ключевых политических задач США в регионе [9].

Поворотным моментом во внешней политике Финляндии, определившим ее курс на долгие годы, стал 1948 год, когда Сталиным было предложено заключить двусторонний договор о взаимной помощи по примеру ранее заключенных договоров с Венгрией, Болгарией и Румынией. В сложившихся обстоятельствах для финского руководства было необходимо максимально модифицировать текст договора, приведя его в соответствие выбранной Финляндией линии внешней политики. Ю.К. Паасикиви, избегавший переговоров об этом соглашении с 1944 года под предлогом противоречащей формулировки в перемирии 1944 года¹, на этот раз не мог избежать активных действий.

В США приглашение Сталина подкрепило мнение об экспансионистских планах СССР, и все внимание было приковано к развитию событий в Финляндии. Несмотря на пессимистический прогноз западных дипломатических кругов и истерию в западной прессе, Ю.К. Паасикиви, отвергший предложение Запада о вынесении финского вопроса на рассмотрение в ООН как несостоятельное, решил действовать самостоятельно и предельно жестко [5, с. 357–359]. Так, он гарантировал советскому руководству прохождение договора через парламент Финляндии в обмен на включение в договор требуемых статей [13, с. 68–70]. В СССР, получив гарантию стратегической безопасности, были готовы пойти на уступки президента Паасикиви. В итоге договор не представлял собой военный пакт и не привязывал Финляндию к системе коллективной безопасности восточного блока, однако для некоторых политических кругов в США Финляндия все же окончательно попадала в сферу влияния

¹ Согласно ст. 3 Московского мирного договора 1940 года, условия которого восстанавливаются в Соглашении о перемирии 1944 года, Финляндия и СССР обязываются не заключать союзы и не участвовать в коалициях.

СССР, пусть и сохранив формальный суверенитет [6, с. 39–41].

Преамбула договора и статья 4, напротив, официально подкрепляли стремление Финляндии проводить нейтральный курс. Оговорка о желании Финляндии оставаться в стороне от конфликтов великих держав изначально не была направлена на альтруистические идеи о поддержании мира, а по сути являлась единственным рациональным способом обеспечить независимость и безопасность страны.

После рассмотрения договора в парламенте финская общественность и мировое сообщество были взволнованы слухами о планировавшемся захвате власти коммунистами, но для Сталина стратегические интересы в Финляндии были выше, и переворот по чехословацкому сценарию не был поддержан советским руководством. На выборах 1948 года коммунисты потерпели поражение и были исключены из состава правительства. Сформировав новое правительство во главе с социал-демократами, руководство Финляндии доказало свою состоятельность перед США, которые положительно рассмотрели вопрос о новых кредитных траншах и предоставлении экспортных лицензий [7, с. 28–30].

Несмотря на то что в целом условия договора ДСВ-48 были восприняты в США как победа для Финляндии и политики сдерживания, в администрации Трумэна не были уверены, что сложившаяся ситуация будет сохраняться продолжительное время, что СССР окончательно откажется от более радикальных мер. Поэтому дальнейшая экономическая помощь Финляндии была необходима для поддержания ориентации на Запад и сдерживания экспансии СССР, однако уровень этой помощи оставался весьма умеренным [18, с. 443].

В течение первой половины 1950-х годов отношения обеих держав к нейтралитету и его роли в международных отношениях начали меняться. В СССР после смерти Сталина на смену политике непримиримости идеологий пришла идеология мирного сосуществования, в рамках которой нейтралитет приобретал новое значение: «...Не существует обобщенного подхода к нейтралитету... необходимо анализировать его значимость в каждой конкретной ситуации» [Цит по: 3, с. 531]. Проникновенная речь Хрущева на съезде неприсоединившихся держав

в Индонезии, налаживание связей с режимом Тито, государственный договор и нейтрализация Австрии – все это свидетельствовало о том, что нейтральные государства начинают рассматриваться не только как объекты политики великих держав, но и как третья сила в международных отношениях. Обеспокоенное новой доктриной СССР, способной снизить антисоветские тенденции в сфере влияния США, руководство последних подготовило подробный отчет о характере нейтралитета.

В представленной работе Совета национальной безопасности США традиционный нейтралитет, направленный на избегание международных конфликтов и лишенный идеологической подоплеки, признавался традиционным и имеющим право на существование принципом. Отмечалось, что опасность представляет квазинейтралитет, подразумевающий отсутствие взаимодействия с другими государствами, нежелание поддерживать глобальные планы США. Такое государство, согласно отчету, в случае реального конфликта подвержено вступлению в него на стороне СССР [17, с. 202–203].

С точки зрения США, нейтралитет Финляндии больше склоняется ко второму типу, хотя представляет собой особый случай и обусловлен отсутствием у финского руководства выбора внешнеполитического курса. С другой стороны, такой тип нейтралитета куда менее опасен для США, чем нежелание Норвегии и Дании вступить в НАТО на полных основаниях [Там же. С. 203–204].

В целом нейтралитет Финляндии не вызывал у администрации Эйзенхауэра серьезных опасений: в США воспринимали настрой финнов как антисоветский и были уверены, что в случае военных действий финны примут жесткую нейтральную позицию и не допустят советские войска на свою территорию. И хотя вероятность военного вторжения была едва ли правдоподобной, в США не исключали, что советское руководство может потребовать от Финляндии предоставления военных баз, особенно в случае растущего влияния ФРГ в регионе [Там же. С. 204].

Подчеркивалось, что экономическая помощь должна также интенсифицироваться, необходимо стимулировать импорт финской продукции в страны Западной Европы, увели-

чивать размеры траншей Экспортно-импортного банка США, поддерживать финскую марку с помощью Европейского платежного союза [17, с. 205–206].

Несмотря на тот факт, что в глобальном плане встреча «большой четверки» на Женевской конференции летом 1955 года не принесла существенных плодов в деле сокращения вооружений и решения германского вопроса, для Финляндии она имела особую значимость.

Так, осенью 1955 года Финляндия смогла вступить в Северный совет, так как советское руководство более не считало организацию прозападной. Наоборот, отмечалось, что участие Финляндии сможет ослабить связь Норвегии и Дании с НАТО. Именно такую реакцию это событие вызвало в США, где опасались, что вступление Финляндии вызовет всплеск нейтралистских тенденций в Норвегии и Дании. В докладе Совета Безопасности отмечалось, что нейтральные страны в большей степени подвержены коммунистическому влиянию, а Финляндия может стать катализатором этого процесса в важном для США регионе [6, с. 188]. Стоит отметить, что корни такого восприятия следует искать в рамках плана создания Скандинавского оборонительного союза, обсуждение которого началось еще в 1946 году, но к 1949 году закончилось ничем в связи со вступлением Норвегии и Дании в НАТО. Несмотря на то что Финляндия никогда не рассматривалась как потенциальный член возможного союза, в СССР считали идею скандинавской интеграции угрожающей своим интересам, способствующей привлечению Финляндии в сферу влияния Запада [19, с. 38].

В это время Финляндия при поддержке Канады вступает в ООН, несмотря на частичное сопротивление СССР из-за блокирования Китаем заявки Монголии. Стоит отметить, что участие в ООН имело двойной эффект для Финляндии. С одной стороны, Финляндия наравне со всеми могла принимать участие в снижении напряженности в холодной войне. С другой стороны, некоторые советские теоретики в области международного права полагали, что обязанности члена ООН могут противоречить состоятельности нейтрального статуса государства [11, с. 32]. Интерпретируя нейтралитет в политических рамках, вступление страны в ООН, безусловно, было необ-

ходимым условием для эволюции политики нейтралитета Финляндии в эпоху разрядки. Решение Финляндии в 1956 году поддержать ввод миротворческих сил в Египет в разгар Суэцкого кризиса вывел Финляндию на один уровень с основными гарантами стабильности в мире и проторил дорогу для ее участия в международном миротворчестве [2, с. 200].

Отказ СССР от военной базы Порккала также способствовал укреплению курса Финляндии на нейтралитет. Несмотря на то что в США этот жест СССР был воспринят со скептицизмом, так как в ядерную эпоху база потеряла всякое практическое значение, символическое значение для Финляндии было колоссальным. Тезис о несостоятельности нейтральной позиции государства из-за наличия на его территории иностранных военных баз более не был применим к Финляндии. Для СССР же отказ от последней военной базы на территории других государств позволял повышать престиж своей политики мирного сосуществования и оказывать давление на США с целью спровоцировать их вывести свои контингенты под командованием НАТО из стран Западной Европы [6, с. 182].

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что единственным возможным условием проведения Финляндией политики нейтралитета в годы холодной войны было поддержание доверительных отношений с СССР. Неудачная попытка прибегнуть к политике нейтралитета в конце 1930-х годов, приведшая к изоляции Финляндии во время боевых действий, была обусловлена игнорированием статуса СССР как великой державы и непониманием реалий международной политики и геополитического положения.

Безусловно, программность и ярко выраженную линию политика нейтралитета Финляндии получила уже в годы правления У.К. Кекконена в эпоху всеобщей разрядки. Тем не менее своим становлением и кристаллизацией в международных отношениях этот внешнеполитический курс обязан именно Ю.К. Паасикиви, искусному дипломату, очень четко понимавшему все реалии международной политики. Так, договор ДСВ-48, заключенный на условиях президента Паасикиви и ставший программным документом, определившим характер внешней политики Финляндии, по мнению Кекконена, заложил базу финского ней-

тралитета и не в коей мере не являлся военным пактом, так как Финляндия принимала обязательство защищать территорию только внутри своих границ [12, с. 21].

Для США Финляндия на начальном этапе холодной войны не была «трудным ребенком», несмотря на специфическое положение среди других нейтральных европейских государств. Принимая во внимание доминирующее положение советского вектора во внешней политике Финляндии, умеренно используя экономические поощрения и оказывая поддержку по дипломатическим каналам, США обеспечивали экономическую независимость, стабильность и престиж Финляндии на международной арене. Все это было направлено на выполнение ключевой задачи США в Финляндии – на поддержание капиталистического строя и прозападной политической модели.

Так, уже при Эйзенхауэре многие политики в США были уверены, что проводимая президентом Паасикиви политика в долгосрочной перспективе позволит Финляндии упрочить связи с Западом [18]. Однако существовали и более радикальные круги, не понимавшие невозможности идеологического давления на Финляндию и ее уникального положения, относившие Финляндию к зоне советского влияния.

Несмотря на частые обвинения в излишнем потакании СССР, президент Паасикиви давал понять высшему руководству СССР, что основ-

ные ценности – право финнов на самоопределение и капиталистический строй – не являются предметом торгов и финны готовы бороться за эти права. С другой стороны, Ю.К. Паасикиви самолично контролировал допустимый уровень сотрудничества с США, дабы избежать быть втянутым в конфликт великих держав. Так, в рамках президентской кампании 1952 года Дж.Ф. Даллес обвинял администрацию Трумэна в излишней пассивности в борьбе с коммунизмом и ратовал за интенсификацию сдерживания в Европе и помощи странам – сателлитам СССР. Реакция финского руководства была характерной – Финляндия желает оставаться в стороне от любого рода американской кампании [17, с. 199].

На примере Финляндии мы видим, что в середине 1950-х годов в связи со смертью Сталина и «духом Женевы» изменяется отношение СССР и США к нейтралитету и его роли в мировой политике. Руководства великих держав понимают, что нейтральные государства становятся полноправными субъектами международных отношений.

Впоследствии важнейшей ролью нейтральных государств станет посредничество в деле снижения противостояния блоков, миротворчество и продвижение политики безопасности. В рамках этой кампании в Европейском регионе одной из ключевых фигур станет У.К. Кекконен, продолживший и развивший линию Ю.К. Паасикиви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Androsova T.** Economic Interest in Soviet Post-War Policy on Finland // *Reassessing Cold War Europe* / ed. by S. Autio-Sarasmo, K. Miklóssy. L.; N. Y.: Routledge, 2011. P. 33–48.
2. **Browning Ch.S.** Constructivism, Narrative and Foreign Policy Analysis: A Case Study of Finland. N. Y.: Peter Lang Publ., 2008. 328 p.
3. **Ginsburg G.** Neutrality and Neutralism and the Tactics of Soviet Diplomacy // *American Slavic and East European Rev.* 1960. Vol. 19, nr. 4. P. 531–560.
4. **Hakovirta H.** The Soviet Union and the Varieties of Neutrality in Western Europe // *World Politics.* 1983. Vol. 35, nr. 4. P. 563–585.
5. **Hanhimäki J.** “Containment” in a Borderland: The United States and Finland // *Diplomatic History.* 1994. Vol. 18, nr. 3. P. 353–374.
6. **Idem.** *Containing Coexistence: America, Russia and the “Finnish Solution”.* Kent; L.: The Kent State Univ. Press, 1997. 279 p.
7. **Idem.** *Scandinavia and the United States: an insecure friendship.* N. Y.: Twayne Publ., 1997. 223 p.
8. **Jakobson M.** *Finland in the New Europe.* Praeger Publ., 1998. 192 p.
9. **Jensen-Eriksen N.** CoCom and neutrality: Western export control policies, Finland and the Cold War, 1949–1958 // *Reassessing Cold War Europe* / ed. by S. Autio-Sarasmo, K. Miklóssy. L.; N. Y.: Routledge, 2011. P. 49–65.
10. **Karsh E.** *Finland: Adaptation and Conflict* // *International Affairs (Royal Institute of International Affairs).* 1986. Vol. 62, nr. 2. P. 265–278.
11. **Idem.** *Neutrality and Small States (Routledge Revivals).* Routledge, 2011. 240 p.
12. **Brodin K., Goldmann K., Lange Ch.** *The Policy of Neutrality: Official Doctrines of Finland and Sweden // Cooperation and Conflict.* 1986. Vol. 3, nr. 1. P. 18–51.
13. **Kullaa R.** *Non-alignment and Its Origins in Cold War Europe: Yugoslavia, Finland and the Soviet Challenge.* I.B. Tauris & Co Ltd, 2012. 280 p.

14. **Matson R.W.** The Helsinki axioms: U.S.-Finnish relations and the origins of the cold war, 1941–1949. Michigan, Univ. Microfilms International, 1983. 274 p.

15. **Nevakivi J.** A decisive armistice 1944–1947: Why was Finland not Sovietized? // *Scandinavian J. of History*. 1994. Vol. 19, nr. 2. P. 91–115.

16. **Polvinen T.** Between East and West: Finland in International Politics, 1944–1947. Univ. of Minnesota Press, 1986. 363 p.

17. **Ruddy M.T.** Confronting Cold War Neutralism: The Eisenhower Administration and Finland, A Case Study // *The Romance of History: Essays in Honor of Lawrence S. Kaplan* / ed. by S.L. Bills, E.T. Smith. Kent, Kent State Univ. Press, 1997. P. 196–213.

18. **Idem.** The Truman Administration and Cold War Neutrals // *A Companion to Harry S. Truman* / ed. by D.S. Margolies. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 436–452.

19. **Väyrynen R.** Stability and change in Finnish foreign policy. Helsinki: Helsingin Yliopiston, 1986. 159 p.

K.A. Agafonov

FINLAND BETWEEN EAST AND WEST: PAASIKIVI LINE AS A BASIS FOR FINNISH NEUTRALITY

AGAFONOV Konstantin A. – *St. Petersburg State Polytechnical University*.
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: agafonov.k@inbox.ru

Abstract

Article is devoted to the foreign policy of Finland and its international position within conflict of irreconcilable ideologies of Great Powers. Author examines core principles of J.K. Paasikivi foreign policy doctrine earmarked to foster the image of Finland as neutral state. Considering the example of Finland, author scrutinizes the transformation of USSR and USA attitudes towards neutrality as an option of foreign policy and also points to the rise of influence of neutrals in international relations after the thaw of the mid 1950s.

Keywords

NEUTRALITY IN INTERNATIONAL RELATIONS; PAASIKIVI LINE; FINLAND IN THE CONTEXT OF GREAT POWER CONFLICT; GEOPOLITICAL AGENDA OF FINLAND; BIPOLARITY; CONTAINMENT; PEACEFUL COEXISTENCE.

REFERENCES

1. Androsova T. Economic Interest in Soviet Post-War Policy on Finland. *Reassessing Cold War Europe*. Ed. by Sari Autio-Sarasma, Katalin Miklóssy. L., N. Y., Routledge, 2011. Pp. 33–48.

2. Browning Ch.S. *Constructivism, Narrative and Foreign Policy Analysis: A Case Study of Finland*. N. Y., Peter Lang Publ., 2008. 328 p.

3. Ginsburg G. Neutrality and Neutralism and the Tactics of Soviet Diplomacy. *American Slavic and East European Review*, 1960, vol. 19, no 4, pp. 531–560.

4. Hakovirta H. The Soviet Union and the Varieties of Neutrality in Western Europe. *World Politics*, 1983, vol. 35, no 4, pp. 563–585.

5. Hanhimäki J. “Containment” in a Borderland: The United States and Finland. *Diplomatic History*, 1994, vol. 18, no 3, pp. 353–374.

6. Hanhimäki J. *Containing Coexistence: America, Russia and the “Finnish Solution”*. Kent, L., The Kent State Univ. Press, 1997. 279 p.

7. Hanhimäki J. *Scandinavia and the United States: an insecure friendship*. N. Y., Twayne Publ., 1997. 223 p.

8. Jakobson M. *Finland in the New Europe*. Praeger Publ., 1998. 192 p.

9. Jensen-Eriksen N. CoCom and neutrality: Western export control policies, Finland and the Cold War, 1949–1958. *Reassessing Cold War Europe*. Ed. by Sari Autio-Sarasma, Katalin Miklóssy. L., N. Y., Routledge, 2011. Pp. 49–65.

10. Karsh E. Finland: Adaptation and Conflict. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs)*, 1986, vol. 62, no 2, pp. 265–278.

11. Karsh E. *Neutrality and Small States (Routledge Revivals)*. Routledge, 2011. 240 p.

12. Brodin K., Goldmann K., Lange Ch. The Policy of Neutrality: Official Doctrines of Finland and Sweden. *Cooperation and Conflict*, 1986, vol. 3, no 1, pp. 18–51.

13. Kullaa R. *Non-alignment and Its Origins in Cold War Europe: Yugoslavia, Finland and the Soviet Challenge*. I.B. Tauris & Co Ltd, 2012. 280 p.

14. Matson R.W. *The Helsinki axioms: U.S.-Finnish relations and the origins of the cold war, 1941–1949*. Michigan, Univ. Microfilms International, 1983. 274 p.

15. Nevakivi J. A decisive armistice 1944–1947: Why was Finland not Sovietized? *Scandinavian J. of History*, 1994, vol. 19, no 2, pp. 91–115.

16. Polvinen T. *Between East and West: Finland in International Politics, 1944–1947*. Univ. of Minnesota Press, 1986. 363 p.

17. Ruddy M.T. Confronting Cold War Neutralism: The Eisenhower Administration and Finland, A Case Study. *The Romance of History: Essays in Honor of Lawrence S. Kaplan*. Ed. by S.L. Bills, E.T. Smith. Kent, Kent State Univ. Press, 1997. Pp. 196–213.

18. Ruddy M.T. The Truman Administration and Cold War Neutrals. *A Companion to Harry S. Truman*. Ed. by D.S. Margolies. Oxford, Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 436–452.

19. Väyrynen R. *Stability and change in Finnish foreign policy*. Helsinki, Helsingin Yliopiston, 1986. 159 p.